Попов М.Б.
Санкт-Петербургский государственный университет
m.popov@spbu.ru

Могли ли древнерусские писцы передавать дифтонгическое произношение фонемы *ять*?

Настоящие заметки посвящены проблемам аллофонической реконструкции в исторической фонетике, которые рассматриваются на примере древнерусской фонемы /ě/ (ять). Автор дает критический обзор основных точек зрения на фонетическую реализацию /ě/. В центре внимания находится вопрос о том, может ли материал письменных памятников отражать дифтонгическое произношение ятя, для обозначения которого в кириллическом алфавите традиционно служила буква ѣ. Особое внимание уделено обозначению этой фонемы в древненовгородских памятниках накануне и в период изменения /ě/ > /i/, в связи с чем обсуждается возможность непосредственного отражения дифтонгического произношения /ě/ в недавно найденной берестяной грамоте № 1132. В статье показано, что графика и орфография древнерусских текстов не дают и не могут в принципе давать прямых указаний ни на дифтонгическую, ни на монофтонгическую реализацию фонемы /ě/, т. к. аллофонные изменения на письме не передаются.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая диалектология, историческая фонетика, ять, берестяные грамоты, севернорусские говоры.

Историков русского языка традиционно занимал и продолжает занимать вопрос, каким звуком реализовалась в раннедревнерусский (общевосточнославянский) период фонема /ě/, обозначавшаяся буквой ѣ. Начиная еще с дофонологической эпохи исторической фонетики существовало две основные точки

зрения на этот в — «монофтонгическая» (ѣ = [ē]) и «дифтонгическая» (ѣ = [i͡e])[1].

Традиционной была, естественно, первая точка зрения, т. к. она в общем соответствовала происхождению фонем /е/ и /ĕ/: др.-р. /е/ < псл. *ĕ, а др.-р. /ĕ/ < псл. *ē (из более ранних *ē и *oi). Такой реконструкции придерживался А.И. Соболевский, считавший, что за др.-р. **є** скрывался краткий [ĕ], а за др.-р. **ѣ** — долгий [ē]. По его мнению, из всех этимологически долгих гласных лишь /ĕ/ в древнерусском языке продолжал сохранять долготу (по крайней мере до полного завершения падения редуцированных и возникновения нового *ѣ*), отличаясь от /е/ только количеством [Соболевский 1884: 80–81]. Качественной близостью (но не тождеством) /е/ и /ĕ/ Соболевский объяснял и частую мену букв *е* и *ѣ* в древнерусских памятниках[2]. В «Лекциях» он несколько скорректировал свою точку зрения: «Звук *ѣ* был близок к *е* по своему качеству, но произносился, по-видимому, более закрыто, приближаясь к *и*; он отличался от е своей долготою; это был, кажется, единственный долгий звук в русском языке древнейшего периода... В нотных кондакарях, где буквы в словах повторяются согласно тому, как они должны были повторяться или протягиваться в пении, мы находим такие написания, как *грѣееховъ*...» [Соболевский 1907: 40]. Как видим, здесь речь идет уже не только о количественном различии между /е/ и /ĕ/, но и о качественном: /ĕ/ противопоставлен /е/ не только как долгий краткому, но и как закрытый (напряженный) — более открытому. Хотя Соболевский здесь не говорит о дифтонгическом произношении ятя, существование написаний типа приводимого им **грѣєєховъ**, уже как бы намекает на возможность не вполне однородного (мы бы сейчас сказали «дифтонгоидного») гласного в качестве реализации /ĕ/.

Вторая точка зрения на аллофоническую реконструкцию ятя обычно связывается с именем А.А. Шахматова (хотя у него и были предшественники). Шахматов считал, что древнерусский ять произносился как дифтонг [i͡e] [Шахматов 1886: 136–137; Шахматов 1915: 10–12, 113–115].

[1] Ср., впрочем, мнение В.В. Виноградова, придерживавшегося вслед за А.А. Шахматовым второй точки зрения: «Прежде всего для изучения судьбы звука *ѣ* в русском языке в историческую эпоху безразлично, будем ли мы считать прарусское *ѣ* за *i̯e* или за *ê* долгое» [Виноградов 1922: 167].

[2] А.А. Шахматов позднее связывал такое смешение **є**/**ѣ** особым, отличным от разговорного, церковным (книжным) произношением ятя как /е/.

В основании такой реконструкции лежали следующие косвенные соображения: 1) такое произношение ятя облегчало понимание его позднейшей эволюции в восточнославянских диалектах в направлении как [i], так и [e] (в одних говорах усиливался первый элемент дифтонга, в других — второй); 2) наличие на месте рефлексов старого ятя дифтонгов типа [i͡e] на всей восточнославянской диалектной территории, в северноукраинских, южнобелорусских (переходных к украинским), в некоторых как южно-, так и севернорусских говорах; 3) субституция /je/ → /ě/ в финно-угорских заимствованиях (ср. фин. *Korjel* → др.-р. *корѣла*); 4) такие древнерусские изменения, как /jě/ (=[ii̯e]) > /je/ (=[i̯e (ср. *w̄ нѣсѣ* > *w̄ нѣсѥ*, *доѣди* > *доеди* и т. п.) и /ě/ > /i/ перед ударным /i/ (ср. *сѣдить* > *сидить*, *дѣтина* > *дитина*, *мѣзиньць* > *мизиньць* и др.) тоже, по мысли Шахматова, подтверждали произношение *ѣ* как [i͡e][1].

Все эти соображения, разумеется, имеют косвенный характер и ничего не доказывают, что отметил Соболевский, подвергший концепцию Шахматова критике: «Данных, которые бы доказывали существование *ѣ* = *ie* в общеславянском языке нам неизвестно. [...] сербский язык имеет не только дифтонг *ie*, но даже двусложное *иje* на месте *ѣ*, рядом с *е* и *i*, но ничего не говорит о глубокой древности его дифтонга. [...] старосербские памятники смешивают *ѣ* с монофтонгами *е* или *и* в очень значительных размерах и без всякой последовательности, что указывает на большую близость *ѣ* к этим монофтонгам в старом сербском языке. Что до русских данных, то они для своего объяснения не требуют признания не только общеславянского, но и общерусского происхождения дифтонга *ie*. Наши древние тексты смешивают *ѣ* с *е* и *и*, и только» [Соболевский 1894/2006: 490]. Восточнославянские рефлексы ятя, могли, по Соболевскому, образоваться непосредственно из *ē* или «из узкого *е* без посредства дифтонгов» [там же][2]. Возражения Соболевского сохраняют свою силу до сих пор.

[1] Ср.: «Замена буквы ѣ в данном случае буквами, выражающими йотированное е, как мы полагаем, не доказывает смешения звуков, выражавшихся буквами ѣ и е, а напротив подтверждает предположение, что звук, выражаемый буквой ѣ, был слитным звуком, состоявшим из нелогового *и* + *е*, которое может быть было при этом закрытым» [Шахматов 1886: 149].

[2] Вместе с тем Соболевский допускал, что позднее — в XIV–XV вв. — в галицко-волынском диалекте, где *ѣ* произносился «более или менее близко к *и*», он мог произноситься и «как дифтонг *ie*» [Соболевский 1907: 74]. Но во всяком случае это не относилось ни к общеславянскому, ни к общерусскому периодам.

Позднее в полемике с Н.Н. Дурново, который был сторонником шахматовской точки зрения, их развил А.М. Селищев: «... совершенно безосновательно обольщаться сочетаниями ***ię*** — ***ie***, ***i^{e}*** и т. п. современных славянских групп. Сперва потрудитесь доказать, что эти сочетания были свойственны данным группам в течение всей их жизни (выделено автором. — *М.П.*). Доказать этого Н.Н. Дурново не может. Он ограничивается только наличностью ***ie*** в той или иной группе, и этого для него достаточно, чтобы видеть в этом ***ie*** глубокий архаизм. Такое отношение к языковым явлениям недопустимо в методологическом отношении. Оно может быть объяснено только как следствие увлечения сопоставлениями вне исторической перспективы, вне учета тех фонетических процессов, которые переживаются отдельными группами. Прежде чем отодвигать вологодские или северноукраинские, словацкие или сербохорватские ***ie*** в эпоху праславянскую, требуется дать ответ на вопрос: не появились ли того или иного вида ***ie*** данных групп в их отдельной жизни? Ведь ***ie*** в этих говорах может быть и вместо ****ě***, подвергшегося удлинению и вместе с тем сужению ***ê̄;*** такое ***ê̄*** затем изменилось в украинской и словацкой группах и в некоторых сербохорватских говорах в *ie*» [Селищев 1968: 175–176]. И далее, говоря о написаниях с новым ятем типа *камѣнь* (< *камень*) в Добриловом евангелии 1164 г., он пишет: «Видеть в этом ***ѣ*** сочетание ***ie*** во второй половине XII в. нет оснований: ***ê*** в такой короткий период времени еще не мог выделить в первой своей части элемент ***i***. Понятно в связи с этим отсутствие указаний на ***uo̯ (yo)*** в южнорусских памятниках того времени: тогда были еще ***ē̄*** и ***ō̄***. Отсутствуют ранние указания на ***ie*** и в северновеликорусских и сербохорватских памятниках. У сербохорватов написания ***ие*** идут от XIV в.» [там же: 176]. Если в отношении произвольного переноса современных диалектных явлений в глубокое прошлое, что было характерно для Шахматова и его последователей, критика Селищевым сторонников «дифтонгической» гипотезы представляется справедливой, то его соображения относительно возможности передачи дифтонгического произношения ятя на письме вызывают возражения. Так, отражение старого ***ѣ*** в сербохорватском написании ***ие***, видимо, говорит не о дифтонгическом произношении общеславянского или прасербохорватского ятя, а об изменении /ě/ > /ije/, /je/ в ряде сербохорватских говоров. Это подводит нас к основной теме настоящих заметок, а именно к вопросу

о том, возможна ли в принципе передача писцами древних рукописей дифтонгического произношения /ě̯/.

Сам Шахматов, видимо, не предполагал, что особенности дифтонгического или монофтонгического произношения могут быть отражены в древних рукописях непосредственно (например, в виде написаний **иє** вм. **ѣ**, что в принципе, видимо, допускал Селищев), во всяком случае никаких аргументов такого рода он не выдвигает. Можно не сомневаться, что в графике и орфографии памятников Шахматов, будучи прекрасным знатоком древних рукописей, не находил соответствующих фактов. И это, конечно, не удивительно. Не являясь фонологом в современном смысле слова, А.А. Шахматов, несмотря на свою явно выраженную склонность к излишней детализации при фонетических реконструкциях праязыков, за которую его нередко упрекали даже современники[1], видимо, все-таки интуитивно понимал, что «оттенки звуков» (т. е., если перевести на современную терминологию, *аллофоны* фонем) на письме не могут передаваться, т. к. они не осознаются носителями данного языка или диалекта. Соответственно шахматовская реконструкция ятя как дифтонга опиралась не на материал памятников письменности, а на диалектный материал и некоторые общие соображения.

Ю.В. Шевелев, имея в виду прежде всего протоукраинские говоры, считал одним из письменных свидетельств (довольно скудных, по его мнению) дифтонгического произношения ě (= [$_{i}$e]) создание древнерусскими писцами буквы «йотированный ять» (**ѥѣ**), которую они использовали для обозначения сочетания «протетический *j* + *ě*», например киевских Изб. Св. 1073 г. и Изб. 1076 г. (**ѥѣсти**, **ѥѣда**). По Шевелеву, начальное [j$_{i}$e-] > [jė-], т. е. протетический йот слился с начальным элементом дифтонга, причем *ě* после йота (ср. [jėsti] *ѥсти*) продолжал отличаться от *е* (ср. [jestь] *ѥсть*). Затем ять монофтонгизировался и после других согласных, совпав с [ė] во всех позициях

[1] Ср. иронические высказывания его постоянного оппонента А.И. Соболевского, который считал, что А.А. Шахматов описывает праславянскую фонетику так, «[к]ак будто общеславянский язык нечто вроде говора Саратовского уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, все эти ö, ä, ie, этот более чем странный «слог с неслоговым ъ» могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд» [Соболевский 1894/2006: 486–487].

[Shevelov 1979: 194][1]. Гипотеза Шевелева объясняет укр. *їсти*, *їхати* и др., но не отвечает на вопрос, почему в древнерусских памятниках [jė-] регулярно передается буквой **є**/**ѥ**, а не **ѣ**: ср. **ѥмь** 1 л. ед., **отъ нєє** (Арх. Ев. 1092 г.), **ѥсть** 3 л. ед. (Гал. Ев. 1144 г.), **новыє** вин. мн., м. р. (Добр. Ев. 1164 г.), **прєѥхавшє** (Евс. Ев. 1283 г.) и мн. др.

Отношение Шахматова к орфографии рукописей как источнику фонетической реконструкции была очень осторожной. Он, как известно, вообще не очень-то доверял показаниям памятников: если их орфография противоречила его общим соображениям, тем хуже для орфографии. Так, анализируя орфографию двинских грамот XV в. с написанием **и** вм. **ѣ** независимо от позиции, он тем не менее из общих соображений считал, что такие написания отражают изменение /ĕ/ > /i/: «Отождествлять графическое чередование **и** и **ѣ** севернорусских памятников с фонетическим чередованием **и** и **ѣ** в соврем. севернорусских говорах, или изредка встречающееся **и** вм. **ѣ** в галицко-волынских рукописях с малор. *і* — конечно невозможно и всего безопаснее признать это за простое графическое явление. Нельзя доказать, чтобы в XIV в. напр. были в северной России говоры, изменившие *ѣ* в *и:* исключение могли бы составлять некоторые двинские грамоты, имеющие **и** вм. **ѣ** в таких напр. словах, как **рипицє**, **лисъ**, **писку** и др., но конечно является вопросом, насколько и в данных случаях не служит лишь приблизительной передачей звука *ѣ*, так же как напр. в соврем. говорах и при *ѣ* является часто лишь еще более закрытым произношением этого звука: так напр. весьма часто мне не удавалось различить в говорах Олонецк. губ., произнесено ли вм. *ѣ* — закрытое *е* или *и:* я слышал, звук средний между закрытым *е* и *и*, «не то *билый, свит*, не то *белый, свет*, а что-то среднее», выражаясь словами Гильфердинга (Онежские Былины с.

[1] В целом Ю.В. Шевелев предполагает для большинства протоукраинских (будущих южноукраинских) говоров следующую цепочку изменений: дифтонгический *ĕ* нижнего подъема типа [$_{e}$a]) изменился в дифтонгический же *ĕ* типа [$_{i}$e]), возможно, еще существовавший в эпоху первых памятников, а потом преобразовавшийся в монофтонг верхнесреднего подъема, который Шевелев обозначает символом [ė], т. е. [ê]. Таким образом, Шевелев совершенно не нуждается в наличии дифтонгического ятя типа [ie], чтобы объяснить изменение /ė/ > /i/ в южноукраинских говорах, фиксируемое памятниками с конца XIII в. [Shevelov 1979: 425–428]. Интересно, что северноукраинские говоры до сих пор сохранили под ударением дифтонг типа [$_{i}$e], который, по Шевелову, в древнерусский период не изменился в [ė]. В безударной позиции в этих говорах рефлексом ятя является /e/: ср. м[$_{i}$e]х — *м*[e]*шо́к* [там же: 429–430].

XXXI). Появление ѣ вм. и в некоторых памятниках XIV–XV в[в]. только подтверждает это предположение)» [Шахматов 1886: 225–226]. Из приведенного высказывания Шахматова следует лишь то, что написание и вм. ѣ южно- и севернорусских памятников до XV в. не доказывает древнеукраинского или древненовгородского перехода /ĕ/ > /i/, соответственно, по Шахматову, отличие /ĕ/ от /e/ и /i/ продолжает сохраняться. Однако прямо из этого вывода не следует дифтонгическое произношение ятя, которое Шахматов обосновывал другими соображениями (см. выше).

Вместе с тем обращает на себя внимание, что Шахматов в принципе не исключает возможности, что в двинских грамотах XV в., где и вм. ѣ пишется независимо от ударения и твердости/мягкости следующего согласного, буква и обозначает не /i/ (из /ĕ/), а «служит лишь приблизительной передачей звука *ѣ*». В этой же работе 1886 гг. Шахматов предложил объяснение написаний с ѣ вм. ѣ в древнерусских рукописях (начиная уже с XI в.) как в значительной степени графического явления, отражающего не фонетический переход /ĕ/ > /e/, а вызванного контактом двух звуковых систем — системой разговорного языка восточнославянских книжников, произносивших ять как дифтонгический гласный с закрытой второй частью (типа [i͡e] или [i͡ê]), и системой произношения их болгарских («старославянских») учителей, которые реализовали ять как дифтонгический гласный с открытой второй частью (типа [i͡ɛ] или [i͡æ]). Это несоответствие фонетических систем контактирующих языков приводила к тому, что восточный славянин отождествлял «старославянский» открытый ять не с закрытым ятем своего разговорного языка, а со своим /e/. И именно /e/ древнерусские книжники в своем искусственном книжном (церковном) произношении стали произносить на месте ятя (по крайней мере в церковнославянской лексике), что и приводило, по Шахматову, к смешению букв ѣ/ѣ (прежде всего, конечно, к написанию ѣ вм. ѣ), отражающему не древнерусское фонетическое изменение /ĕ/ > /e/, а специфику искусственного книжного произношения [Шахматов 1886: 210–213]. Этой гипотезы Шахматов придерживался и позднее [Шахматов 1893: 131–137; 1915: 161–162, 325].

Здесь важно подчеркнуть, что обстоятельства, которые в XI в. приводили к смешению ѣ/ѣ, принципиально отличаются от севернорусской ситуации XV в., отраженной в двинских грамотах со смешением и/ѣ. Графическое смешение ѣ/ѣ связано с весьма специфическим кон-

тактом двух разных языковых систем, к середине XI в. уже довольно сильно разошедшихся в отношении существенных звеньев фонологической системы (носовые гласные, редуцированные, реализация ятя и др.), и с возникновением в связи с этим особого книжного (церковного) произношения ятя (и, как полагал Шахматов, редуцированных). Отметим особо, что независимо от того, прав Шахматов или не прав, применительно к ситуации XI в. серьезным аргументом в пользу его гипотезы является различие в реализации ятя в болгарском и древнерусском языках (с этим никто не спорит), причем дифтонгический характер ятя никак не влияет на данную гипотезу, т. к., по Шахматову, ять был дифтонгическим в обоих языках. Что же касается написаний с **и** вм. **ѣ**, то их довольно трудно обосновать как чисто графическое явление в памятниках, отражающих говоры, которые продолжают древненовгородский диалект. Именно поэтому Шахматов высказывает свою гипотезу в очень осторожных выражениях и под вопросом (см. выше).

Некоторые последователи А.А. Шахматова пошли дальше своего учителя в поисках обоснования дифтонгического произношения ятя на материале рукописей. Так, В.В. Виноградов, автор важного труда по истории ятя, высказав как будто здравую и в общем-то очевидную мысль, что «обращаясь к тем графическим средствам, которыми располагали древнерусские писцы для передачи разнообразных рефлексов *ѣ*, мы должны по априорным соображениям оставить всякую мысль о точном графическом воспроизведении всех оттенков звука *ѣ*», продолжает ее странным и окончательно все запутывающим утверждением: «писцы могли пользоваться лишь 3 буквами для их (оттенков звука *ѣ* — *М. П.*) изображения — *ѣ*, *и*, *е*. При этом, помимо влияния традиционной орфографии, заключениям о фонетике народного говора мешает разнообразие фонетических ассоциаций, которые все вели к одной букве: буква *и* могла передавать и звук *и*, и дифтонг $\widehat{i\varrho}$, и $\widehat{i\underline{e}}$, и i^e, и даже *ê*; буква *ѣ* — скрывала и дифтонг $\widehat{ie}$, и ê, и даже i^e; буква *е* — звук *е*, и *ê*, и даже, может быть, в некоторых случаях $\widehat{ie}$» [Виноградов 1922: 169]. Разумеется, за любой буквой может стоять что угодно, если учесть воздействие традиционной орфографической нормы или протографа рукописи, особые графические приемы, гиперкорректные написания, особенности церковного произношения и в конце концов описки писцов. Но Виноградов в приведенной цитате все это подчеркнуто выводит за скобки и говорит именно о принципе соотношения

букв (графем) и звуков (фонем), а не о сопутствующих средневековому русскому письму явлениях, и получается, что писцы пользуются буквами для изображения оттенков звуков.

Такой подход вряд ли может служить Ариадниной нитью на пути фонетической (а в сущности фонологической) интерпретации материала древнерусских письменных памятников. Фактически доступные нам знания о правилах соотношения букв и звуков говорят о том, что буквы обозначают фонемы (или сочетания фонем, иногда — ДП фонем), а не их позиционные разновидности (оттенки, варианты, аллофоны), и соответственно главным принципом при фонетической расшифровке средневековых рукописей является следующий: **на письме передаются только функционально существенные различия,** и наоборот: **аллофонные различия (и изменения) на письме не могут отражаться.** Так, если в каком-то восточнославянском диалекте происходит спирантизация *g > [ɣ], то поскольку такое изменение не затрагивает противопоставления этой фонемы с другими, на письме оно не отражается до тех пор, пока не затронет противопоставления с какой-либо другой фонемой: меняется только чтение буквы **г** (**грѣхъ** [grěxъ] > **грѣхъ** [ɣrěxъ]. Поэтому нет никаких оснований рассматривать, например, написание хрѣхъ в Изборнике 1073 г., как отражение изменения *g > [ɣ]: судя по всему в этом случает мы имеем дело с распространенным типом описок — предвосхищением писцом буквы следующего слога. Только после падения редуцированных и оглушения или озвончения согласных возникают условия для отражения на письме произошедшей ранее спирантизации *g > [ɣ]: ср. появление в южновеликорусских памятниках XVI–XVII вв. написаний, передающих фонологические (синтагматические) изменения — оглушение /ɣ/ > /x/ на конце слова (*деня**х**ъ* < *денегъ*, *бере**х**ъ реки* < *берегъ рѣкы*) или озвончение /x/ > /ɣ/ пред звонким согласным следующего слова (*тѣгъ же* < *тѣхъ же* и т. п.).

В истории звукового строя раннедревнерусского языка тоже, видимо, происходил процесс изменения реализации фонемы *ě, которая праславянском языке первоначально реализовывалась гласным нижнего подъема переднего ряда типа [æ] (=[ä]) или дифтонгоида [e͡a]. Как известно, такая архаическая реализация рефлексов псл. *ě до сих пор характерна для южной (болгарский и некоторые македонские говоры) и северной (польский и полабский) славянской периферии. Говоры

с подобными рефлексами ятя отмечены и в севернорусских, в частности в архангельских говорах, т. е. на самом севере Восточной Славии (подробнее см. [Касаткина 1991]). Ять нижнего подъема отражен и ранними прибалтийско-финскими заимствованиями из новгородско-псковского диалекта: ср. *grěxъ > фин. *räähkä*, (*sēdi̯ā >) *sěža ‘закол для ловли рыбы’ > эст. *sääs* др., но в более поздних заимствованиях — *věstь > фин. *viesti*, *věra > карел. *viero* и др. Для южных древнерусских диалектов нижнее (широкое) произношение ятя, возможно, представлено в таких заимствованиях, как др.-р. *дулѣби* → араб. *Dulâbe* (у арабского историка и путешественника Аль-Масуди, сер. X в.), тюрк. *pačanak* → др.-р. *печенѣгъ*. Когда точно у восточных славян происходило аллофонное изменение /ě/ (= [æ͡]/[e͡a]) > /ě/ (= [ê]/[i͡e]) не вполне ясно, но есть некоторые основания считать, что оно имело место после утраты носовых гласных, т. е. после середины X в. Если же оно происходило позже, например в XI в., что в принципе возможно, то на письме оно не могло бы получить отражения, т.к. противопоставление др.-р. /ě/ (< псл. *ě = [æ]) и др.-р. /ä/ (< псл. *ę) сохранялось. Собственно смысл перехода ятя из нижнего подъема в средне-верхний и заключался в том, чтобы сохранить противопоставление полезное противопоставление /ě/ ↔/ä/.

Вернемся к вопросу о дифтонгическом характере ятя в древнерусском и возможности передачи такого его произношения на письме. В.В. Виноградов в принципе склонялся к тому, что в памятниках, где количество написаний с **и** вм. **ѣ** невелико (например, в новгородских служебных минеях 1095–1097 гг.), такие написания скорее всего служат графическим выражением дифтонгического произношения ятя (*ѣ* = [i͡e] или [i͡e̯], при том что различие между /ě/ и /i/ в диалекте писца еще сохраняется [Виноградов 1922: 187]. Полностью соглашаясь с гипотезой Шахматова о дифтонгическом произношении древнерусского ятя (/ě/ = [i͡e]), Виноградов рассматривает дальнейшую его эволюцию в севернорусских говорах как процесс монофтонгизации либо в /i/ в одних говорах, либо в [ê] («не ранее второй половины XII века») с последующим изменением в /e/ в других, при возможности сохранения дифтонгического ятя в третьих. Опираясь на детальный анализ орфографии севернорусских рукописей XIII–XVI вв., он пытается выявить такие, для которых можно предположить (а точнее — допустить) сохранение /ě/ = [ie] в диалекте писца, но примеров прямой передачи дифтонгического произношения, разумеется, не может привести.

Прямо не примыкая ни к «монофтонгической», ни к «дифтонгической» гипотезе применительно к общевосточнославянскому языку, но опираясь на работы Шахматова и Виноградова, а также учитывая достижения диахронической фонологии, К.В. Горшкова рассматривает эволюцию фонемы ять в отдельных древнерусских диалектах, прежде всего в ростово-суздальском, новгородском и псковском. Тем не менее в целом контекст ее исследования свидетельствует о том, что общевосточнославянский ять был, видимо, монофтонгическим гласным верхнесреднего подъема («напряженным»), который она обозначает символом [ê] (или с учетом долготы — [ê:]). Такой ять сохранился в древнем ростово-суздальском диалекте, в котором он позднее непосредственно изменился в /е/.

Переходя к объяснению эволюции ятя в древненовгородском диалекте, Горшкова считает, что «нет никаких фактов для реконструкции непосредственного фонетического изменения /ê/ в /и/ в новгородских говорах конца XIV–XV в.», поскольку орфография рукописей XV в. и материал говоров «не свидетельствуют о сужении фонемы верхнесреднего подъема под влиянием мягких согласных, так как /и/ на месте /ê/ находим и перед твердыми согласными, так же как и замену буквы ***ѣ*** буквой ***и*** в текстах XV в.» [Горшкова 1972: 108]. По мнению Горшковой, фонологические отношения в древненовгородской системе вокализма также не дают оснований предполагать возможность нейтрализации фонем /ê/ и /i/. Эти общефонологические соображения заставляют К.В. Горшкову реконструировать для древненовгородского диалекта XV в. фонетическое изменение [ê:] > [и̯е̯], т. е. предположить дифтонгизацию ятя — процесс, противоположный тому, что реконструировали Шахматов и Виноградов.

Не вдаваясь в собственно историко-фонологические детали гипотезы К.В. Горшковой, обратимся к ее выводу, который имеет непосредственное отношение к основной теме наших заметок, а именно к вопросу о том, в какой степени фонетическое изменение может быть отражено на письме. Вот этот вывод: поскольку «непосредственного фонетического изменения /ê/ в /и/ не было» и поскольку «этот переход совершился через стадию дифтонга типа [и̯е̯]», в тех рукописях, где «замену буквой ***и*** буквы ***ѣ*** находим в орфограммах, обозначающих разные морфемы (корневые, флективные) и в разных фонетических условиях (перед твердыми и перед мягкими согласными, под ударе-

нием и без ударения)», в такой орфографии имеет место «отражение фонетического изменения общедревнерусской фонемы /ê/ в дифтонг [ие̯]» [там же: 109]. Поскольку сама К.В. Горшкова считает, что «[ф] онетическое изменение [ê:] > [ие̯] в новгородских говорах XV в. **не имело фонологического содержания** (выделено нами — *М. П.*): дифтонг [ие̯] имел те же ДП, что и [ê:] — верхнесредний подъем» (там же), из ее утверждения, что написание и на месте ѣ отражает изменение в реализации фонемы /ê/, вытекает, что аллофонное изменение может передаваться на письме. Такая возможность противоречит не только фонологической теории и тому, что мы знаем об отражении звуковых изменений в памятниках письменности, но и тому, что писала сама К.В. Горшкова[1]. Здесь не помогают ссылки на наблюдения диалектологов-фонетистов, что «первый компонент дифтонга [ие̯] может быть весьма кратким — порядка 25% общей длительности гласного, может составлять 40–50 % <...> может занимать и более половины общей длительности гласного» (там же: 109–110). Важна лишь фонемная принадлежность гласного, но при условии, конечно, что не произойдет еще и какое-нибудь синтагматическое изменение, т. е. фонема /ê/ не совпадет с другими фонемами (/e/ или с /i/) или с сочетаниями фонем (/ie/ или /ije/)[2]. Поэтому на вопрос К.В. Горшковой: «Нельзя ли в этом (см. приведенную выше цитату — *М. П.*) видеть основу замен буквы ѣ буквой и в одних новгородских текстах и замены буквы ѣ буквой е

[1] Ср. напр. справедливые замечания К.В. Горшковой в той же работе: «Наблюдения над орфографическими ошибками писцов прошлых эпох и над ошибками современников показывают, что комбинаторное варьирование звуков до известных пределов безразлично для носителей языка, так как не мешают языковому общению. Речевой слух говорящих и слушающих, как правило, обращает внимание на те позиционные изменения, которые затрагивают и отношения противопоставления, т. е. связаны с различительной функцией» [там же: 28]; «мы можем судить об изменении фонемы «ять» в русском языке с того времени, когда это изменение по говорам затронуло противопоставление «ять» и /и/ или «ять» и /е/, и писцы стали путать в написании буквы *ѣ* и *и* или *ѣ* и *е*» [там же: 54]. Эти замечания, как кажется, вполне соответствуют положению диахронической фонологии, что аллофонное варьирование и аллофонные изменения в орфографии не могут отражаться, а синтагматические и парадигматические — могут и, как правило отражаются на письме.

[2] Или — на худой конец — парадигматическое: если часть аллофонов фонемы /ê/ не фонологизуются, дав новую фонему, противопоставленную /ê/, — сценарий, конечно, маловероятный для древнерусских диалектов, в которых действовала тенденция к уменьшению состава гласных фонем.

в других, считая, что во всех говорах древненовгородского диалекта произошла дифтонгизация древнего [ê:], но дифтонг [и͡е̯] различался фонетически по говорам и это различие сводилось к различному распределению длительности между компонентами дифтонга?», можно дать определенный ответ — нельзя!

К сказанному важно добавить, что доступный в настоящее время корпус берестяных грамот не подтверждает ни датировок перехода /ê/ > /i/, на которые вслед за Шахматовым и Виноградовым ориентируется К.В. Горшкова, ни сомнений в том, что орфография грамот отражает постепенное распространение именно фонетического изменения. Самые ранние новгородские берестяные грамоты с **и** вм. **ѣ** относятся уже ко 2-й половине XII века (№ 810, 3-я четверть XII в.: *дв**и** осмин**и**, р**и**зано* < *дъвѣ осминѣ*, *рѣзанъ*[1]; № 919, 2-я половина XII в.[2]: *:ѣ͡ві: гривьн**и*** < [= *дъвѣ на десяте*] *гривьнѣ* (им. дв.), но здесь же и **є** вм. **ѣ** — у *Глебьцѧ* < у Гл*ѣ*бьца; № 1072, конец XII — 1-я половина XIII в.: *Тимощ**и**, полуто-р**и**, дв**и*** < *Тимошькъ* (дат. ед.), *полъ въторѣ*, *дъвѣ*[3]). В целом же до середины XIII в. такие написания — еще редкость и представлены главным образом в ауслауте[4]. Тем не менее, если учесть, что резкий рост таких написаний происходит с начала XIV в., а со 2-й трети этого столетия он выходит на плато (около 40%)[5], можно смело утверждать, что в XIV в. уже многие новгородские говоры пережили или переживали фонологическое изменение /ê/ > /i/.

Итак, нет никаких оснований полагать, что написания с ***и*** на месте ***ѣ*** в древненовгородских текстах могли передавать дифтонгическое произношение фонемы /ê/ в говоре их писцов. Более того, на письме не могло отражаться ни дифтонгическое, ни монофтонгическое

[1] Текст грамоты примечателен тем, что здесь ***и*** вм. ***ѣ*** представлен как под ударением (*р**и́**занъ*, *дв**и́***), так и в безударной позиции (*осми́ни*), причем в первом примере *и* вм. *ѣ* еще и перед твердым согласным (в некоторых севернорусских говорах, если рефлексы ятя различались, то перед мягкими /ê/ давал /i/, а перед твердыми — /e/: ср. /v'ít'or/ < *вѣтеръ*, но /v'étra/ < *вѣтра*).

[2] Это уточненная датировка [Янин, Зализняк, Гиппиус 2015: 15]. Ранее грамота датировалась серединой XIII в.

[3] Текст грамоты № 1072 см. в [Гиппиус, Зализняк 2016: 12].

[4] Фонетическая интерпретация ауслаутных написаний с **и** вм. **ѣ** представляется более предпочтительной, чем морфологическая, несмотря на то что флективный ять в принципе мог быть объектом морфологических выравниваний.

[5] См. диаграмму в [Зализняк 2004: 26].

его произношение. И даже если фонема ять реализовалась звуками типа монофтонга [æ] или дифтонга [e͡a], но была противопоставлена при этом фонемам /е/ и /а/ после мягких согласных, она все равно передавалась на письме буквой ***ѣ,*** потому что на письме обозначаются только функционально (т. е. фонологически) существенные различия. О том, что *ě в древнерусских диалектах в исторический период реализовывался передним гласным верхнесреднего подъема типа [ê] или [i͡e], а не [æ] или [e͡a] нам говорит не графика и орфография древнерусских рукописей, а характер фонетической субституции в процессе заимствования (ср. лит. *valdýmieras* ‘властелин’ ← **voldimě̆rъ* (> др.-р. *Володимѣръ*), фин. *viesti* ← др.-р. *вѣсть*, др.-р. *Гълѣбъ* ← др.-сканд. *Guðleifr*, др.-шв. **Guðlēfr* и т. п.) и рефлексы ятя ([е], [і], [i͡e]) в основной массе восточнославянских говоров.

Пожалуй, единственным намеком на отражение дифтонгического произношения ятя в древнерусском письме могут быть приведенные выше написания типа **грѣєєховъ**[1] и подобные в нотных рукописях. А.И. Соболевский не делал, впрочем, из такого написания вывода о дифтонгическом произношении ятя, скорее наоборот: для него это свидетельствовало об артикуляторно-акустической близости /ê/ и /е/, отличавшихся в основном долготой/краткостью — признаком, который при протягивании в пении утрачивал различительную функцию. Дополнительные примеры из нотных и ненотных текстов привел Б.А. Успенский: ср. написания из Типографского Устава XI–XII вв. — **прѣєєєже**, **прѣєдътєєчааа**, **неєєєелпрѣєєстаа҃ааньно** (= **прѣже**, **прѣдътєча**, **непрѣстаньно**) и др. при обычном **свѣѣѣѣтъ**, **рѣѣѣѣѣка** и др. (= **свѣтъ**, **рѣка**) [Успенский 1997: 224–226]. Но для Успенского такие написания были лишь дополнительным аргументом в пользу гипотезы Шахматова о церковном (книжном) произношения ятя как /е/.

Новое свидетельство, как будто бы указывающее на возможность непосредственного письменного отражения дифтонгической реализации ятя в древненовгородском диалекте, было недавно обнаружено А.А. Гиппиусом в новонайденной берестяной грамоте № 1132 и обнародовано им в онлайн-лекции «Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г.» [Гиппиус 2020]. Собственно эта лекция и выдвинутая

[1] Написание **грѣєєховъ** из Кондакаря конца XII — начала XIII в. приведено в [Соболевский 1907: 40].

в ней гипотеза об отражении в грамоте № 1132 дифтонгического произношения ятя, которая была горячо поддержана слушателями лекции, и послужила поводом для настоящих заметок, а предшествующее изложение отчасти является некоторым введением к тому, что я хотел бы сказать в связи с этой гипотезой.

Стратиграфически грамота № 1132 датируется 3-й четвертью XIV в., т. е. именно тем временем, когда в разных новгородских говорах уже произошло, активно проходило или еще не началось изменение /ê/ > /i/. Но если фонема ять еще сохранялась в говоре писца и действительно реализовалась в виде дифтонга [i͡e], то как, в свете всего сказанного выше, такое произношение могло проявиться в тексте этой грамоты? К сожалению, целиком эта грамота не сохранилась, но относящийся к делу фрагмент грамоты вполне удовлетворительно прочтен и интерпретирован А.А. Гиппиусом: ... **ци пондѣть рать за волокъ цто бы вѣкстꙑа была нап[с](ана)**... '... чтобы известили (нас), пойдет ли войско за Волок...'. Гипотеза Гиппиуса состоит в том, что собственно написание **ѣк** вм. **ѣ** в **вѣкстꙑа** 'весточка' (< др.-р. **вѣстъка**) и передает дифтонгическое произношение ятя: «Перед нами, по-видимому, чрезвычайно интересное и ценное свидетельство произношения ятя как [i͡e], чем мы сталкиваемся, кажется, впервые ... Может быть, я ошибаюсь, но по крайней мере в грамотах до сих пор такое не усматривалось» (здесь и далее цитирую по [Гиппиус 2020]). А.А. Гиппиус, видимо, прав: формы типа **грѣєєховъ** и **прѣєєже** из нотных текстов, похожие на обсуждаемую форму из грамоты № 1132, ни Соболевским, ни Успенским не рассматривались как передача дифтонгического произношения ятя. Кроме того, тщательный палеографический анализ позволил Гиппиусу внести еще одно уточнение, которое, как ему кажется, усиливает гипотезу о произношении /ê/ как [ie] или [je] (= [i͡e]). Обратив внимание на то, что «**ѣ** записан необычно близко к находящемуся слева **в** ... как будто прямо прислонен к **в**», он объясняет эту особенность тем, что писец сначала написал не **ѣ**, а **ь** — **вькстка**: «фонетически абсолютно точно передав такое произношение ятя, потом он как-то осознал неправильность такой записи и решил изменить этот **ь** на **ѣ**, из-за чего **ѣ** и оказался так близко к **в**»[1].

[1] Как указывает А.А. Гиппиус, в грамоте видны следы исправления **к** на **с**, правда, «не очень уверенно читаемые».

Можно ли согласиться с окончательным выводом исследователя: «Но то, что **вѣкстꙑа** — словоформа, в которой отразилось особое дифтонгическое произношение ятя, это можно утверждать положительно»? Видимо, все-таки нельзя — ни для варианта **вѣкстꙑа**, ни для варианта **вьєстка**. Говоря о дифтонгическом произношении ятя, историки русского языка имеют в виду фонетическую реализацию гласной монофонемы /ê/, а не бифонемных сочетаний /ie/ или /je/, которые теоретически действительно могли бы передаваться адекватнофонемными написаниями типа виестка, віестка, вьестка и под. Поэтому остаются в силе все высказанные в первой части наших заметок возражения против возможности передачи на письме аллофонных различий и аллофонных изменений. Написанию же **вькстꙑа** (→ **вѣкстꙑа**) в грамоте № 1132, как представляется, нужно искать какое-то другое объяснение (см. постскриптум).

В заключение добавлю к высказанным выше аргументам несколько дополнительных соображений.

В современном русском литературном языке под ударением все гласные фонемы, кроме /i/, после мягких согласных реализуются дифтонгоидами с i-образным переходным участком, который в русской фонетической традиции обычно обозначается верхней точкой: напр., невестка /n'iv'estka/ => [n'iv'·éstkə]. Разумеется, носитель языка не подозревает о существовании этого переходного участка и никогда не будет обозначать его на письме отдельной буквой. Иностранец, например англичанин, пропуская русское произношение через «фонологическое сито» английского языка, воспримет этот i-образный участок как отдельный звук и воспроизведет его в своем русском произношении с акцентом, примерно так — [niv̯éstkə], а если он хорошо знаком с правилами русской графики, то может даже записать это слово так — **нивьєстка**, передав средствами русской графики «дифтонгическое» произношение русской фонемы /e/. У нас нет никаких оснований предполагать, что грамоту № 1132 писал иностранец. Если же **вькстка** написал новгородец и при этом передал свое диалектное произношение /v'jestka/ (а [je] — один из вариантов дифтонгической реализации ятя, предполагаемых А.А. Гиппиусом), то это означает, что в говоре писца грамоты № 1132 произошло изменение /ê/ > /je/, т. е. бифонемизация гласной фонемы /ê/. Теоретически это вполне возможно (ср. похожие рефлексы ятя в сербохорватском), но русских говоров такими рефлексами ятя не обнаружено [Касаткин 1999: 376–389; Касаткин 1999: 390–397].

О том, как трудно заметить дифтонгическое произношение монофонемного гласного, можно судить по свидетельству такого опытного диалектолога, как А.А. Шахматов, который сам не смог услышать дифтонгическую реализацию закрытых /ê/ и /ô/ в рязанском говоре села Лека и понял это только после того, как его «продвинутый» информант 29-летний плотник И.С. Гришкин указал ему на то, что в лекинском говоре имеется два о: одно — настоящее (/о/), другое — «фальшивое» (/ô/) [Шахматов 1913: 175–176]. Интересны два сопутствовавших этому обстоятельства. Во-первых, Шахматов во время своей поездки в Леку уже знал об открытии Олафом Броком дифтонгов [i͡e] и [u͡o] на месте *ѣ* и *о* закрытого в тотемском говоре Вологодской губернии [Брок 1907: 22–51][1]. И здесь важно подчеркнуть, что обнаружил тотемские дифтонги не русский диалектолог, а иностранец (норвежец). Во-вторых, сам Гришкин не воспринимал закрытое о своего родного лекинского говора как дифтонг, для него было важно только само различие настоящего и «фальшивого» («термин» Гришкина). Это «фальшивое *о*», как пишет Шахматов, «Гришкин предполагал сначала передавать церковнославянскою буквою ѹ, но передал его буквой *о* с надписанным над ней *у*, отказавшись от предложенной мною передачи его через *уо*, так как «фальшивое *о*» — это один звук, а не два» [Шахматов 1913: 177]. Предложение диалектолога обозначать /ô/ как *уо* понятно, как понятен и отказ диалектоносителя, для которого существенны только фонологические различия, от предложения Шахматова: ведь в лекинском говоре фонема /ô/ была противопоставлена не только фонеме /о/, но и сочетанию гласных фонем /u͡o/ (ср. лек. /о.z'i.ra/ *озеро* — /u.o.z'i.ra/ *у озера* — /ô.l'xu/ = [uol'xu][2] ольху). В сущности это был спор стихийного «фонолога» Гришкина с ученым-«фонетистом» Шахматовым.

[1] Кстати, для дифтонгических рефлексов древнерусского ятя в этом вологодском говоре Брок предлагает целую россыпь различных реализаций [i͡ê], [i͡e], [ê͡e], [i͡ê͡e], [i͡ê], [i͡e], [i͡e͡], в распределении которых ему, по собственному признанию, так и не удалось полностью разобраться, т. к. они представляли собой плавный переход друг в друга в зависимости от фонетических позиций (твердость/мягкость следующего согласного, абсолютный конец слова), темпа речи и других факторов. Для нас важно, что все это реализации одной фонемы, а не сочетания фонем.

[2] «Нeслоговое у (Шахматов его обозначает символом *ў* — *М. П.*) неизвестно лекинскому говору, разве только в сочетании с следующим *о* при дифтонгическом произношении ω» [Шахматов 1913: 189].

Мысль о том, что аллофонные изменения не передаются на письме, в своих научных трудах и университетских лекциях по исторической фонологии постоянно подчеркивал Владимир Викторович Колесов. Считая письменные памятники основным источником по истории звукового строя русского языка, он отмечал, что более или менее точной реконструкции поддается в лучшем случае лишь фонологическая (т. е. парадигматическая и синтагматическая) система писца, но не «фонетическое варьирование» (т. е. не аллофонная): «Определенные правила соответствия буквенных обозначений звукам, орфографической традиции, фонематическому значению и т. д. позволяют установить отклонение, связать его с определенными условиями и объяснить фонологически. Фонологическая интерпретация на современном уровне описания является наиболее точной, фонетическое варьирование реконструируется с известным приближением к действительному» [Колесов 1980: 10]. Для историка языка синтагматические фонологические изменения представляют особый интерес, т. к. именно они отражаются на письме в виде отклонений от орфографической традиции, считающихся «ошибками» писца: «Например, буква *ѣ* в определенных условиях (в безударной позиции, перед мягкими согласными и т. п. — *М.П.*) оказывается замененной буквами *е*, *и*, *а*; и по типу отклонений, характеру смешения букв и позиционным условиям очень точно можно установить направлением такого изменения» [Колесов 1980: 6]. Аллофонные же изменения, которые могут предшествовать синтагматическим, на письме зафиксированы быть не могут: «Письменные памятники прошлого таких изменений не отражают. Ученые приложили немало стараний к тому, чтобы по косвенным данным определить типы вариантных чередований (т. е. аллофонных изменений — *М. П.*) в древнерусском языке, но все их заключения являются только реконструкцией возможного изменения» [Колесов 1980: 7].

***

P. S. Единственным способом «спасти» гипотезу об отражении в грамоте № 1132 дифтонгического ятя мне представляется следующее предположение. Писец нашей грамоты — носитель новгородского говора, в котором ять изменился в /e/ перед твердыми согласными и в /i/

перед мягкими (говор I), т. е. в его системе /v'ist'/ (вѣсть), но /v'estka/ (вѣстка)[1]. Он находится в контакте с носителями другого новгородского говора, в котором ять еще сохраняется как самостоятельная фонема и выступает как дифтонг [i͡e] (говор II). В таком случае «наш» писец (говор I), пропуская произношение [v'i͡estka] говора II через свое фонологическое сито, воспринимает такое произношение говора II как /v'jestka/ и соответственно записывает его как **вьѥстка**. Но и при такой интерпретации, соответствующей принципам, изложенным в первой части статьи, писец грамоты № 1132 отражает не свое произношение ятя, а инодиалектное, косвенно указывая тем самым, впрочем, на существование новгородского говора с дифтонгическим произношением ятя. Не стоит, видимо, и говорить, что данная гипотеза представляется крайне маловероятной, хотя теоретически допустимой.

Литература

Брок О. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. Т. LXXXIII. № 4. СПб., 1907. 151 с.

Васильев Л.Л. Вологодское евангелие XVI века // Русский филологический вестник. 1907. Т. 57. № 1–2. С. 241–281.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Вып. I. Очерки из истории звука ѣ в севернорусском наречии // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1919 г. Т. XXIV. Кн. 1-я. Пг., 1922. С. 150–245.

Гиппиус А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2020 г. // Онлайн-лекция 07.12.2020 (о грамоте № 1132 см. 02:07:00 — 02:17:40) https://www.youtube.com/watch?v=MAszi8shmvU&feature=youtu.be

Гиппиус А.А., Зализняк А.А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 7–17.

Горшкова К.В. Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 160 с.

[1] Такой говор, например, последовательно отражен в севернорусском Вологодском евангелии XVI в., исследованном Л.Л. Васильевым: ср. *веровати*, *светъ*, *невеста*, и мн. др., но *виренъ*, *свитить*, *возвистить* и мн. др. [Васильев 1907: 256–277].

Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. 872 с.

Касаткин Л.Л. Русские дифтонги // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 376–389.

Касаткин Л.Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Касаткин Л. Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М.: Наука; Школа «Языки русской культуры», 1999. С. 390–397.

Касаткина Р.Ф. Рефлексы *ě в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 65–73.

Колесов В.В. Историческая фонетика русского языка. М.: Высшая школа, 1980. 215 с.

Селищев А.М. [рец.:] Н.Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924 // Селищев А.М. Избранные труды. М.: Просвещение, 1968. С. 163–188.

Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884. 247 с.

Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. 4-е изд. Москва, 1907. 299 с.

Соболевский А.И. [рец.:] Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Отдельный оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1893. С. 421–434 [цит. по: Соболевский А.И. Труды по истории русского языка. Т. 2. Статьи и рецензии / под ред. В.Б. Крысько. М., 2006. С. 485–495].

Успенский Б.А. Древнерусские кондакари как фонетический источник // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. III. Общее и славянское языкознание. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 209–245.

Шахматов А.А. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. Отдельный оттиск из первого тома «Исследований по русскому языку». СПб., 1886. С. 131–285.

Шахматов А.А. Исследования в области русской фонетики. Отдельный оттиск из Русского филологического вестника. Варшава, 1893. 317 с.

Шахматов А.А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии (Посвящается профессору Олафу Броку) // Известия Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук". 1913 г. Т. 18. Кн. 4. СПб., 1914. С. 174–220.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Петроград, 1915. 369 с.

Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XII. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.

Shevelov G.Y. A historical phonology of the Ukrainian language. Heidelberg: Winter. 1979. 809 p.

Could Old Russian scribes render diphthongal pronunciation of phoneme jat'?

These notes are devoted to the problems of allophonic reconstruction in historical phonetics which are considered on the example of the Old Russian phoneme /ě/ (*jat'*). The author gives a critical overview of the main points of view on the sound value of /ě/, which was traditionally denoted in the Cyrillic alphabet by the letter ѣ. The focus is on the question of whether Old Russian written records can reflect pronunciation of /ě/ as diphthong or monophthong. Particular attention is paid to how this phoneme was rendered in Old Novgorod documents on the eve and during the period of change /ě/ > /i/. In this regard, the possibility of direct reflection of /ě/ as diphthong [i͡e] in the recently found birchbark letter No. 1132 is discussed. The article shows that the spelling of Old Russian texts did not and could not, in principle, give direct evidence of either diphthongal or monophthongal realization of the phoneme /ě/, since allophonic changes in writing are not transmitted.

Keywords: Old Russian language, historical dialectology, historical phonetics, jat', birchbark documents, Northern Russian dialects.